

Азгануш МИГРАНЯН

ТРЕКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН СНГ В 2025 ГОДУ

Дата поступления в редакцию: 10.03.2026.

Для цитирования: *Мигранян А. А.*, 2026. Треки социально-экономического развития стран СНГ в 2025 году. – *Геоэкономика энергетики*. № 1 (33). С. 114–129.
DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_114

Экономический рост стран постсоветского пространства в 2025 г. характеризовался неравномерностью и фрагментацией, что преимущественно обусловлено замедлением российского ядра и геополитической турбулентностью последних лет. Основными источниками экономического роста в регионе остаются внешнеторговая деятельность (в т. ч. за счет параллельного импорта), трансграничные денежные переводы, государственное финансирование и логистическое развитие. Снижение эффектов их использования обуславливается адаптацией к новым условиям и стабилизацией торговых потоков. Прошедший год укрепил основные треки экономического развития региона: стабилизация показателей внешнего сектора свидетельствует о завершении трансформации торгово-логистических потоков и исчерпанию эффекта масштаба при их переориентации; сдерживающая денежно-кредитная политика привела к снижению спроса и расширению стратегий импортозамещения в российском сегменте; геополитические сдвиги на Южном Кавказе способствовали формированию структурных сдвигов в географии внешней торговли в зависимости от переориентации на новые рынки и конъюнктурные факторы на рынках энергетических ресурсов; усиление внутрирегиональной интеграции и повышение коллективной самоидентификации Центральной Азии сформировали новые возможности развития региона как логистического

МИГРАНЯН Азгануш Ашотовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая сектором экономических исследований Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, заведующая отделом экономических исследований Института стран СНГ. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117218, Нахимовский просп., д. 32. **E-mail:** a.mihranyan20@gmail.com. **SPIN-код:** 9433-7609. **ORCID:** 0000-0001-6014-5955

Ключевые слова: экономика стран СНГ, факторы экономического роста, сдвиги внешне-экономической политики, структурная политика промышленности, миграция, денежно-кредитная политика.

и торгового хаба Евразии, а также роста конкуренции внерегиональных игроков за доминирование посредством инвестиционной, торгово-политической активности. Факторы риска для дальнейшего развития региона определяются возможным увеличением санкционного давления, сохранением ограничений доступа к высокотехнологическому импорту, а также волатильностью валютных курсов и нестабильностью внутривнутриполитической обстановки в отдельных странах. Одновременно с этим форматы экономического взаимодействия в лице ЕАЭС и СНГ и адаптивность экономик государств региона способствуют формированию умеренно положительной динамики развития в среднесрочной перспективе.

Экономическая ситуация в странах постсоветского региона в текущем году демонстрирует существенное замедление темпов роста в сравнении с прошедшим периодом. Совокупный темп роста ВВП за январь – ноябрь 2025 г. составил 2,1 %¹ по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., что почти в два раза ниже показателя 2024 г. (4,5 % за 11 месяцев). Данное замедление обусловлено прежде всего значительным спадом экономического роста в России, которая остается доминирующей экономикой региона и составляет решающую долю совокупного ВВП СНГ. По оперативным данным III квартала 2025 г. ВВП России вырос на 0,6 %², что находится на грани стагнации, тогда как в начале года темпы были выше (за 11 месяцев рост составил 1 %). Без учета российского фактора темп роста ВВП стран СНГ составил 5,5 % за 11 месяцев 2025 г., что опережает рост 2024 г. на 0,4 %³.

Замедление роста в российской экономике обусловлено совокупностью факторов [Широв, 2025]: сохранением высокого уровня санкционного давления, продолжающимся ограничением доступа к технологическому импорту, высокой ключевой ставкой Центрального банка (17 % по состоянию на сентябрь 2025 г.) и ослаблением внутреннего спроса, особенно в строительной и машиностроительной отраслях. В то же время страны Центральной Азии демонстрируют устойчивую положительную динамику: Киргизия выросла на 10,2 %, Таджикистан – на 8,2 %, Узбекистан – на 7,6 %, Казахстан и Туркменистан – на 6,3 %, что свидетельствует об адаптивности региональных механизмов экономического развития, основанных на расширении внутреннего спроса, инвестиционной активности и притоке денежных переводов от трудовых мигрантов.

¹ Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе – сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report09-2025.pdf/714b722c-da52-dfd0-2b25-754ecd9da89b?t=1764326433279&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

² Макромонитор ЦР ВШЭ // <https://dcenter.hse.ru/macromonitor>, дата обращения 01.03.2026.

³ Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе-ноябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report11-2025.pdf/f770ec4f-e888-9cd4-d31e-338ed5e95b3f?t=1769675739272&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

В 2025 г. сохранились основные источники экономического роста в регионе: расширение внешнеторговой деятельности через развитые схемы параллельного импорта на российский рынок, значительные объемы денежных переводов от мигрантов (особенно из России в страны Центральной Азии), государственное финансирование инфраструктурных и социальных проектов, а также продолжающееся развитие новых транспортно-логистических маршрутов в условиях ограничения доступа российских экспортеров на традиционные европейские рынки [Додонов, 2025]. Однако темпы использования этих механизмов замедлились, что отражает адаптацию экономик к новым условиям функционирования и стабилизацию торговых потоков после радикальной трансформации в 2023–2024 гг.

Тенденции экономического развития

Общий тренд к снижению темпов экономического роста в Содружестве в 2025 г. сохранил положительную динамику, однако его интенсивность снизилась существенно. Совокупный темп роста ВВП в постоянных ценах составил 2,2 %⁴, при этом разброс показателей по странам существенно увеличился.

Экономический рост по ВВП в текущих ценах по всем странам Содружества за 11 месяцев 2025 г. распределился неравномерно. Киргизия продолжила демонстрировать наивысшие темпы прироста (10,2 %). Динамика Таджикистана – 8,2 %, Узбекистана – 6,3 %. Казахстан также показал устойчивый рост (6,3 %), несколько превысив показатели 2024 г. (4,9 %). Армения (6 %) сохранила положительную динамику, хотя и с небольшим замедлением. Напротив, Беларусь демонстрирует существенное замедление (1,3 % против 4,8 % в 2024 г.), Азербайджан упал до 1,6 % с 4,9 %, а Россия показала критически низкий рост в 0,6 % в III квартале при усредненном по девять месяцев темпе 1,3 %. Молдова остается единственной страной на уровне нулевого роста (0,0 % за девять месяцев с ускорением роста за последние два месяца – 2 % за 11 месяцев), продолжая тренд к полной стагнации.

Резкое замедление в России обусловлено в первую очередь фундаментальными структурными проблемами в гражданских отраслях экономики. Объемы выпуска в гражданских обрабатывающих секторах с начала года (август к декабрю 2024 г.) сократились на 5,4 %⁵. Падение спроса на внутреннем рынке в 1-й половине 2025 г. составило 15 %, что свидетельствует об осторож-

⁴ Основные социально-экономические показатели стран Содружества Независимых Государств в январе – октябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Основные+социально-экономические+показатели+стран+Содружества+Независимых+Государств+в+январе-октябре+2025+года.pdf/b534b1f3-de7a-9c8e-f626-066140243712?t=1766411846519&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

⁵ Макромонитор ЦР ВШЭ // <https://dcenter.hse.ru/macromonitor>, дата обращения 01.03.2026.

ности производственных и потребительских сегментов экономики. Сохранение высокой ключевой ставки ЦБ на уровне 17 % в сентябре 2025 г. (хотя и снижено с 21 % в конце 2024 г.) остается значительным препятствием для инвестиционной активности, особенно в строительстве и машиностроении.

Отрицательная динамика в Беларуси и Азербайджане отражает страновые особенности. Беларусь испытывает воздействие санкционного давления, аналогичного давлению на Россию, при несколько большей ориентированности на внутреннее потребление. Азербайджан, в свою очередь, испытывает влияние стабилизации мировых цен на нефть после периода волатильности, когда экспорт страны снизился на 25 % за январь – сентябрь 2025 г., при этом импорт вырос на 16,1 %, что указывает на переориентацию потребления на импортные товары и наличие внутренних потребительских ограничений.

Страны Центральной Азии демонстрируют усиление экономической динамики, причем в некоторых случаях – с ускорением по сравнению с 2024 г. Таджикистан и Узбекистан показывают близкие темпы (8,2 и 6,3 % соответственно), Киргизия показала дальнейшее ускорение до 10,0 %. Эта динамика объясняется, во-первых, расширением внутреннего спроса, поддерживаемого денежными переводами от трудовых мигрантов, во-вторых, инвестиционной активностью государства и, в-третьих, развитием производства в сырьевых и перерабатывающих отраслях, особенно в золотодобывающей промышленности.

Структурные тенденции производства

Рост промышленного производства по СНГ составил 1,4 % за девять месяцев 2025 г., что значительно ниже показателя 2024 г. (4,9 %) и отражает фундаментальное замедление во всем регионе. Однако в географическом разрезе ситуация остается контрастной. Таджикистан показал экстраординарный рост промышленного производства на 24,0 %, что обусловлено прежде всего расширением добычи ценных металлов, в частности золота (рост на 58,6 %). Узбекистан демонстрирует устойчивый прирост на 6,8 %, Киргизия – на 10,2 %, Казахстан – на 7,4 %. Вместе с тем Армения испытала падение производства на 5,7 %, Азербайджан – на 1,0 %, Беларусь – на 0,8 %, а Россия показала минимальный прирост – на 0,7 %⁶.

Структура роста промышленного производства демонстрирует разнонаправленные тренды по отраслям. Добыча полезных ископаемых (исключая традиционные нефть и газ) показала рост 3,8 %, что обусловлено расшире-

⁶ Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе – сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report09-2025.pdf/714b722c-da52-dfd0-2b25-754ecd9da89b?t=1764326433279&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

нием золотодобычи в Таджикистане и Киргизии, а также ростом некоторых видов добычи в Казахстане. Производство пищевых продуктов показало минимальный прирост на 1,2 %, колбасные изделия выросли на 0,3 %, масло сливочное и спреды – на 0,1 %, что отражает стабилизацию спроса на продовольствие при сохранении давления на цены. Машиностроение показало отрицательную динамику (–0,8 %), что обусловлено падением производства легковых автомобилей на 2,7 % и грузовых на 28,4 %, хотя это падение частично компенсировано ростом в Узбекистане.

Наиболее значительное падение произошло в производстве готовой металлопродукции. Производство готового проката черных металлов упало на 4,5 %, при этом трубный прокат сократился на 0,9 %. Основной причиной является катастрофическое падение спроса в России, где потребление стали в 1-й половине 2025 г. упало на 15 %. Производство металлургической продукции в России сократилось на 5,4 %, отражая проблемы в основных потребляющих отраслях: строительстве, машиностроении и энергетике.

Производство электроэнергии снизилось на 1,6 %, что отражает как снижение промышленного производства, так и экономию энергоресурсов. Однако распределение по странам существенно варьируется: Таджикистан показал рост на 11,5 %, Киргизия – на 11,3 %, в то время как Узбекистан продемонстрировал падение на 15,6 %, Армения – на 7,3 %, что обусловлено структурными проблемами в энергетическом комплексе.

Производство потребительских товаров длительного пользования упало практически по всем позициям. Объемы сельскохозяйственной продукции демонстрировали относительно стабильный рост на 2,4 %, что выше показателей промышленности. Объем продукции сельского хозяйства в постоянных ценах вырос на 2,4 % за девять месяцев 2025 г. (против 4,1 % в 2024 г.). Производство зерновых культур благодаря благоприятным условиям выросло на 14,9 %, что обусловлено расширением посевных площадей и улучшением урожайности. Беларусь демонстрирует рост зерновых на 24,4 %, Молдова – на 31,8 %, Россия – на 14,9 %.

Инфляция и ценовая динамика

Несмотря на общее замедление экономического роста, инфляционные процессы в большинстве стран СНГ показали замедление. Рост потребительских цен за сентябрь 2025 г. (к декабрю 2024 г.) составил 4,8 % по СНГ, что ниже показателя сопоставимого периода 2024 г. (5,4 %). Темпы инфляции снизились практически во всех странах, что отражает завершение периода адаптации логистических цепей к новым условиям и постепенную стабилизацию ценовых процессов.

Динамика индекса потребительских цен по странам продемонстрировала значительную дифференциацию. Казахстан, ранее служивший примером

инфляционной стабильности, неожиданно показал значительный скачок до 10,0 % (против 6,6 % в 2024 г.), что требует специального внимания. Основными причинами скачка инфляции в Казахстане стали продолжающаяся волатильность валютного курса (тенге ослабел к доллару и рублю), передача роста цен на импорт из России через логистические каналы, а также ограничения на внутреннее производство отдельных товаров. В остальных странах инфляция находилась на управляемых уровнях: Беларусь – 5,8 %, Узбекистан – 5,1 %, Азербайджан – 3,5 % (снижение с 6,6 %), Россия – 4,3 % (снижение с 6,6 %), Молдова – 4,9 % (снижение с 6,5 %), Таджикистан – 2,2 %, Армения – 1,1 % (снижение с 2,3 %), Киргизия – 5,5 %.

Позитивная динамика инфляции в целом объясняется несколькими факторами. Индекс цен производителей промышленной продукции по СНГ снизился на 0,5 % (сентябрь 2025 г. к декабрю 2024 г.), что контрастирует с ростом на 6,7 % за аналогичный период 2024 г. Это снижение свидетельствует о завершении периода адаптации логистических цепей к санкционному окружению и стабилизации расходов производителей. Кроме того, денежно-кредитная политика в большинстве стран показала тенденцию к смягчению, хотя ставки остаются на исторически высоких уровнях.

Однако перенос инфляции остается сложным процессом. В большей степени инфляция стала определяться общемировыми трендами (увеличением стоимости транспортных расходов, страхового и финансового сопровождения внешнеторговых операций в условиях роста санкционных рисков), а не внутриэкономическими ситуациями. В условиях продолжающихся санкций инфляционное давление может возобновиться при любом расширении ограничений доступа к импорту или финансовым сервисам.

Денежно-кредитная политика и государственные финансы

В условиях замедления экономического роста и дифференцированных инфляционных процессов центральные банки стран СНГ осуществили неоднородную корректировку ставок рефинансирования. Азербайджан, Армения и Таджикистан снизили свои ставки, в то время как Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова и Узбекистан ставки повысили. Россия осуществила снижение ключевой ставки с 21 % (конец 2024 г.) до 17 % (сентябрь 2025 г.), однако даже на этом уровне ставка остается исторически высокой и существенно превышает уровни ставок развитых стран.

По состоянию на сентябрь 2025 г. ставка Центрального банка России составляет 17 %, в Казахстане – 15,25 %, в Узбекистане – 13,5 %, в Беларуси – 9,5 %, в Таджикистане – 9,0 %, в Азербайджане – 7,25 %, в Армении – 7,0 %, в Молдове – 5,6 %. Сохранение высоких ставок в большинстве стран свидетельствует об осторожности монетарных властей относительно рисков

возобновления инфляционного давления и значительности долгосрочных неопределенностей в геополитическом контексте.

На фоне замедления экономического роста государственные финансы демонстрируют неоднородную динамику. В 1-м полугодии 2025 г. рост бюджетных расходов опережал рост доходной части в Азербайджане, Армении, Казахстане и России, приводя к расширению бюджетных дефицитов. В Киргизии, Молдове и Таджикистане доходы бюджетов росли быстрее расходов, обеспечивая сохранение профицитов. Агрегированный уровень государственного долга к ВВП составил 31,7 % по всем странам СНГ в 2025 г. (против 31,5 % в 2024 г.), при этом Армения, Казахстан, Молдова и Узбекистан показали рост долговой нагрузки на 1,9, 1,6, 2,5 и 0,6 % соответственно, в то время как Киргизия снизила долговую нагрузку на 4,6 % от ВВП.

Налоговые поступления в большинстве стран выросли по номиналу, однако в реальном выражении темпы роста замедлились. Рост налога на добавленную стоимость были выше среднего уровня по предыдущим периодам, что отражает давление спроса на потребительском рынке, однако корпоративные налоги показали более умеренную динамику, отражая давление на прибыльность предприятий в условиях замедления роста.

Рынок денежных переводов

Денежные переводы остаются критическим фактором для стран Центральной Азии и определяют значительную часть внутреннего спроса и платежеспособности населения в этом макрорегионе [Аксенова и др., 2025]. В Таджикистане поступления денежных переводов выросли на 40,6 % за девять месяцев 2025 г., достигнув 1333,6 млн долл., при этом 95 % переводов поступило из стран СНГ, из которых более 80 % – из России. Несмотря на санкционные ограничения на финансовые системы, объемы переводов из России продолжают расти, указывая на адаптацию к новым каналам передачи средств.

В Узбекистане общий объем трансграничных переводов от физических лиц (приток денежных средств от физических лиц, преимущественно мигрантов) в 2025 г. (десять месяцев) вырос на 30 % и составил 14,8 млрд долл., из которых 77 % (11,5 млрд долл.) поступило из России, что свидетельствует о сохранении значимости российского рынка труда. Для узбекской экономики доля денежных переводов в ВВП остается стабильной, на уровне примерно 17 %, что подчеркивает критическую важность этого канала для поддержания внутреннего спроса и потребительской активности⁷. Киргизия показала прирост денежных переводов на 20 %, до 272 млн долл. (из них 92,5 % – из России), при неизмен-

⁷ Статистический бюллетень Центрального банка Республики Узбекистана – 2025 год, сентябрь // <https://cbu.uz/ru/statistics/buletten/3181410/>, дата обращения 01.03.2026.

ной доле в ВВП на уровне примерно 24 %, что делает Киргизию одной из стран с наиболее высокой зависимостью от этого источника доходов⁸.

В Азербайджане произошло значительное падение денежных переводов — на 34 %, до 848,5 млн долл., при этом поступления из России упали на 50 %, достигнув 410,7 млн долл.⁹. Причина этого резкого падения кроется в санкционных ограничениях на финансовые системы, осуществляющие трансграничные переводы из России, в частности на систему «Золотая Корона». Однако влияние этого падения на общую экономическую ситуацию в Азербайджане смягчено благодаря значительным доходам от экспорта энергоресурсов и роста внутреннего производства.

В Армении произошло сокращение денежных переводов на 7 %, до 3963,9 млн долл., за период с января по сентябрь 2025 г., притом что поступления из России упали на 14,3 %, до 2571 млн долл. Вместе с тем поступления из США выросли на 4,5 %, достигнув 505,3 млн долл. Одновременно наблюдается сильный отток капиталов физических лиц в целях ведения бизнеса в Европу, ОАЭ, Китай и льготные налоговые зоны. Общий объем переводов за 2024 г. упал на 40 % по сравнению с 2023 г., что свидетельствует о глубоких структурных изменениях в миграционных и инвестиционных потоках из Армении¹⁰.

В Казахстане поступление денежных переводов за 10 месяцев 2025 г. составило 361,3 млн долл. (сокращение 5,4 %) к аналогичному периоду 2024 г. При этом поступление денежных переводов за 11 месяцев 2024 г. в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. сократилось на 25 % до 36,18 млн долл., при этом объем переводов из России сократился на 44 %, что связано с санкционными ограничениями на системы денежных переводов¹¹. Для Казахстана данный источник не столь критичен, как для других стран Центральной Азии, однако его влияние на потребительский спрос в определенных регионах остается значимым.

Объяснение разнонаправленной динамики денежных переводов требует понимания сложного взаимодействия факторов. С одной стороны, санкционные ограничения на финансовые системы и платежные каналы действительно приводят к сокращению переводов в ряде стран (Азербайджан, Армения, Казахстан). С другой стороны, страны с наибольшей зависимостью от этих потоков (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия) демонстрируют

⁸ Статистика денежных переводов. 2025 г. / Национальный банк КР // <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=129&lang=RUS>, дата обращения 01.03.2026.

⁹ Денежные показатели / Центробанк Азербайджана // <https://www.cbar.az/page-42/monetary-indicators?language=en>, дата обращения 01.03.2026.

¹⁰ Денежные переводы / Центральный банк Армении // <https://www.cba.am/en/statistics/money-transfers/24>, дата обращения 01.03.2026.

¹¹ Денежные переводы (международные и внутривосточные) / Национальный банк РК // <https://nationalbank.kz/ru/news/perevody-mezhdunarodnye-i-vnutristranovye/rubrics/2608>, дата обращения 01.03.2026.

рост денежных переводов, что объясняется адаптацией к новым каналам передачи средств, возможно, через неформальные механизмы (переводы по неофициальным каналам), а также ростом благосостояния части мигрантов (особенно занятых в сфере доставки — курьеры и сервисных отраслей) в России, несмотря на общее замедление российской экономики.

Внешняя торговля

Стоимостный объем внешнеторгового оборота товаров по СНГ снизился на 2,4 % за январь — август 2025 г. в сравнении с аналогичным периодом 2024 г. (без данных Туркменистана), экспорт снизился на 4,9 %, а импорт вырос на 1 %. Это замедление отражает стабилизацию торговых потоков после бурного роста 2023–2024 гг. и адаптацию к новым условиям функционирования внешнеторговой системы региона¹².

По странам внешнеторговая динамика остается максимально дифференцированной. Армения продолжает демонстрировать экстраординарные темпы снижения: экспорт за восемь месяцев 2025 г. сократился на 40,8 %, импорт — на 34,9 %. То есть наблюдалась кардинальная смена трека: после взрывного роста в 2024 г. — резкий спад в 2025 г. Отрицательный трек обусловлен в целом сокращением поставок российских драгоценных металлов и камней по схемам параллельного импорта драгоценных металлов и их последующего реэкспорта в ОАЭ, что после взрывного роста в 2024 г. практически лишает республику дополнительных доходов от участия в параллельном импорте. Потоки импорта и экспорта необработанного или полуобработанного золота выросли в 2024 г. в 13 раз, ювелирных изделий — в 10,3 раза. Совокупная доля указанных экспортных товарных групп составила 67,4 % от общего объема экспорта, из них на долю золота приходится 46,9 %, что полностью коррелирует с удельным весом ввозимого в республику необработанного золота в объеме 39,3 % от общего импорта. Это обусловило сокращение взаимной торговли Армении и России с 12 млрд долл. в 2024 г. на 50 %, до 6 млрд долл., в 2025 г. за первые восемь месяцев.

В Казахстане наблюдалось сокращение торгового оборота за 10 мес. 2025 г. на 37 %, экспорта — на 44,7 %, импорта — 31,2 %, что отражает стабилизацию рынков энергоносителей, снижение цен на нефть и газ и развитие альтернативных логистических маршрутов. Экспорт остается ориентированным на углеводороды, при этом объемы вывоза нефти и газа находятся на относительно стабильных уровнях при ценовом минимуме.

¹² Внешняя торговля товарами стран СНГ в январе — сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Внешняя+торговля+товарами+стран+СНГ+в+январе-сентябре+2025+года.pdf/ec4fcc5a-777a-ef3a-5774-daf3ce6e144d?t=1766411875727&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

Азербайджан также демонстрировал сокращение экспорта на 6,4 % в 2025 г. (за восемь месяцев), что обусловлено падением мировых цен на нефть и сокращением спроса. При этом импорт вырос на 17,9 %, что указывает на переориентацию потребления на импортные товары и наличие внутренних потребительских потребностей, несмотря на сокращение доходов от экспорта. За десять месяцев 2025 г. экспорт сократился на 4,5 %, импорт вырос на 14,5 %, совокупный оборот вырос на 3,6 %.

Экспорт Узбекистана вырос на 32,2 %, импорт – на 10,2 %, что обусловлено участием в параллельном импорте и расширением внутреннего потребления. Таджикистан демонстрирует значительный рост экспорта – на 29,3 %, обусловленный преимущественно расширением добычи и экспорта золота, при одновременном росте импорта на 13,3 %, что указывает на расширение внутреннего потребления и инвестиционной активности. Экспорт Киргизии сократился на 23,7 %, что было обусловлено в основном снижением объемов экспорта золота в Швейцарию, темпы роста импорта также снизились до 5,2 % после взрывного роста в 2024 г.

Молдова продолжила тренд к снижению внешнеторговых операций за восемь месяцев 2025 г.: экспорт сократился на 2,5 % при большом росте импорта – на 18,3 %. Основными причинами являются падение спроса на продукцию сборочных производств в ЕС, сокращение спроса европейских партнеров, минимизация торговли со странами СНГ и отсутствие значительного переориентирования на восточные рынки, в отличие от других стран региона.

В Беларуси усилия по поддержке внешнеторгового оборота позволили сохранить прежний уровень: экспорт сократился на 2,4 %, импорт вырос на 2,2 %, что обусловлено укреплением связей с новыми восточными партнерами и расширением взаимной торговли в рамках ЕАЭС и СНГ.

Товарная структура торговли по-прежнему отражает переориентацию на новые рынки и продолжающееся функционирование развитых схем параллельного импорта. Энергоресурсы остаются основным товаром экспорта для традиционных экспортеров (Азербайджан, Казахстан), спрос на них стабилизировался после периода волатильности. Драгметаллы расширяют долю в экспорте стран Центральной Азии, проходя через новые каналы сбыта (прежде всего ОАЭ и Швейцарию). Готовая продукция остается в стагнации вследствие ограничений на производство в России и других крупных производителях.

Инвестиции

Совокупный рост инвестиций в основной капитал составил 9,0 % за девять месяцев 2025 г., что близко к показателям 2024 г. (9 % за десять месяцев). Однако динамика по странам существенно различается. Таджикистан демонстрировал наивысшие темпы роста инвестиций, достигая уровней, указывающих на интенсивное капитальное накопление. Киргизия про-

демонстрировала рост инвестиций на 52,1 %, Узбекистан – на 31 %, Армения – на 15,9 %. В Азербайджане наблюдалось падение инвестиций на 3,9 %, что указывает на неуверенность инвесторов в экономической перспективе. Казахстан и Молдова показали умеренные темпы роста инвестиций в пределах 7–9 %, что ниже исторических уровней.

Источники инвестиций остаются традиционными: государственное финансирование программ развития инфраструктуры и социальных проектов, корпоративные инвестиции в релоцированный бизнес (особенно из России), расширение сферы услуг и предпринимательства на фоне роста деловой активности. Прямые иностранные инвестиции остаются на низком уровне, 1–4 % ВВП, что свидетельствует о сохранении недостаточности международного инвестиционного интереса к региону в условиях санкционной неопределенности.

Рынок труда

По оценке Статкомитета СНГ (без данных по Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану), общая численность рабочей силы в январе – сентябре 2025 г. составила 101 млн человек. Численность безработных в СНГ в этом периоде сократилась по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 14 % и составила, по оценке Статкомитета, 2,9 млн, или 2,8 % численности рабочей силы. Это улучшение отражает как расширение занятости в сфере услуг и государственном секторе, так и сохранение дефицита рабочей силы в ряде отраслей, связанного с миграционными потоками¹³.

Однако миграционные потоки остаются значительной проблемой для ряда стран, особенно Армении и Молдовы, где отток трудоспособного населения продолжается, несмотря на частичный приток релокантов из России. Для стран Центральной Азии миграция остается преимущественно внешней, ориентированной на российский рынок труда, несмотря на активные попытки диверсифицировать направления выезда мигрантов (страны ЕС, США, Южная Корея и т. п.), что сохраняет зависимость экономического роста и внутреннего спроса от экономической ситуации в странах приема мигрантов.

Перспективы развития

Развитие экономик стран СНГ в среднесрочной перспективе определяется совокупностью внешних и внутренних факторов. К положительным

¹³ Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе – сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report09-2025.pdf/714b722c-da52-dfd0-2b25-754ecd9da89b?t=1764326433279&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

факторам относятся адаптация экономик к санкционному окружению и развитие новых торговых маршрутов, сохранение высокого спроса на внешних рынках (особенно в странах ВТО, исключая ЕС), рост денежных переводов и потребительского спроса в странах Центральной Азии, инвестиционная активность, поддерживаемая государственным финансированием, и расширение взаимной торговли в рамках ЕАЭС и СНГ.

К отрицательным факторам относятся продолжающееся санкционное давление на Россию и риск расширения вторичных санкций на партнеров, замедление роста в России, которая остается доминирующей экономикой региона, высокие процентные ставки, сдерживающие инвестиции, волатильность валютных курсов и санкционные ограничения на финансовые операции, структурные проблемы в отраслях гражданского машиностроения и строительства и политическая нестабильность в отдельных странах.

По базовому прогнозу аналитических учреждений региона (включая Евразийский банк развития), совокупный рост ВВП СНГ в 2025–2026 гг. составит 2,9–3,1 %. Страны Центральной Азии будут продолжать демонстрировать высокие темпы роста, в пределах 7–11 %, при этом роль денежных переводов и государственной инвестиционной активности останется определяющей. Россия будет продолжать опыт низких темпов роста, на уровне 1–2 %, определяемых санкционными ограничениями и структурными проблемами гражданского сектора. Объемы взаимной торговли в 2025 г. превысят 100 млрд долл., что будет означать стабилизацию на достигнутых уровнях.

Заключение

Экономическая ситуация в странах Содружества в 2025 г. (за девять месяцев) характеризуется выраженной дифференциацией развития по странам. В то время как страны Центральной Азии продолжают демонстрировать высокие темпы роста ВВП, в диапазоне 7–10 %, Россия и Беларусь испытывают существенное замедление, до уровня 0,6–1,3 %, что существенно ниже имеющегося потенциала, обусловлено санкционными ограничениями, высокой стоимостью кредита и структурными проблемами в гражданском секторе экономики. В остальных странах СНГ темпы роста стали сокращаться на фоне исчерпания эффекта трансформации. Совокупный темп роста по Содружеству составил 2,2 %, что находится на уровне замедления, но остается положительным.

Основные источники экономического роста в регионе сохранили свою актуальность: внешнеторговая деятельность через созданные схемы параллельного импорта, денежные переводы от мигрантов (с дифференцированной динамикой по странам), государственное финансирование, развитие новых логистических маршрутов. Однако темпы их использования

замедлились, что отражает адаптацию к новым условиям и стабилизацию торговых потоков.

Инфляционные процессы показали положительную динамику замедления (4,8 % против 5,4 % в 2024 г.), хотя с выраженной дифференциацией по странам, включая скачок инфляции в Казахстане до 10,0 %. Денежно-кредитная политика большинства центральных банков остается относительно жесткой в условиях неопределенности, при этом ставки рефинансирования остаются на исторически высоких уровнях.

Риски для дальнейшего развития региона связаны с возможностью расширения санкционного давления на регион, продолжающимся ограничением доступа к технологическому импорту, волатильностью валютных курсов и нестабильностью политических ситуаций в отдельных странах. Вместе с тем региональные механизмы экономического сотрудничества (ЕАЭС, СНГ) и адаптивность национальных экономик позволяют поддерживать положительную динамику развития в среднесрочной перспективе, хотя и на более умеренных темпах, чем в 2024 г.

Список литературы

Аксенова Е. С., Андриянова М. С., Марьяшина У. В., Чернецов И. С., 2025. Анализ миграционных потоков из стран СНГ в Россию с использованием метода имитационного моделирования // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 5. Т. 175. С. 304–319.

Додонов В. Ю., 2025. Активизация внешней торговли стран СНГ в условиях санкционных ограничений // Проблемы национальной стратегии. № 3. Т. 90. С. 186–205.

Широв А. А., 2025. Российская экономика: изменение факторов роста // Проблемы прогнозирования. № 6. Т. 213. С. 8–20.

Внешняя торговля товарами стран СНГ в январе – сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Внешняя+торговля+товарами+стран+СНГ+в+январе-сентябре+2025+года.pdf/ec4fcc5a-777a-ef3a-5774-daf3cebe144d?t=1766411875727&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

Денежные переводы (международные и внутристрановые) / Национальный банк РК // <https://nationalbank.kz/ru/news/perevody-mezhdunarodnye-i-vnutristranovye/gubrics/2608>, дата обращения 01.03.2026.

Денежные переводы / Центральный банк Армении // <https://www.cba.am/en/statistics/money-transfers/24>, дата обращения 01.03.2026.

Денежные показатели / Центробанк Азербайджана // <https://www.cbar.az/page-42/monetary-indicators?language=en>, дата обращения 01.03.2026.

Макромонитор ЦР ВШЭ // <https://dcenter.hse.ru/macromonitor>, дата обращения 01.03.2026.

Основные социально-экономические показатели стран Содружества Независимых Государств в январе – октябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Основные+социально-экономические+показатели+стран+Содружества+Независимых+Государств+в+январе-октябре+2025+года.pdf/b534b1f3-de7a-9c8e-f626-066140243712?t=1766411846519&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе – сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report09-2025.pdf/714b722c-da52-dfd0-2b25-754ecd9da89b?t=1764326433279&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе – ноябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report11-2025.pdf/f770ec4f-e888-9cd4-d31e-338ed5e95b3f?t=1769675739272&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

Статистика денежных переводов. 2025 г. / Национальный банк КР // <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=129&lang=RUS>, дата обращения 01.03.2026.

Статистический бюллетень Центрального банка Республики Узбекистана. 2025 год, сентябрь // <https://cbu.uz/ru/statistics/buleten/3181410/>, дата обращения 01.03.2026.

Aza (Azganush) A. MIHRANYAN, PhD (Economics), Professor, Head of the Economic Research Sector CPS E. M. Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Head of the Economics Department of the Institute of CIS

Address: 32, Nakhimov Ave., Moscow, 117218, Russian Federation

E-mail: a.mihryan20@gmail.com

SPIN-code: 9433-7609

ORCID: 0000-0001-6014-5955

THE CIS ECONOMIES IN 2025: NEW TRAJECTORIES OF REGIONAL DEVELOPMENT

DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_114

Received: 10.03.2026

For citation: *Mihryan A. A.*, 2026. The CIS economies in 2025: new trajectories of regional development. № 1 (33). P. 114–129. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_114

Keywords: CIS economies, economic growth factors, shifts in foreign economic policy, industrial structural policy, migration, monetary policy.

Abstract

Economic growth across the post-Soviet space in 2025 remained uneven and fragmented, largely due to the slowdown of the Russian economy and ongoing geopolitical turbulence. The past year consolidated the key trajectories of the region's economic development. Foreign trade (parallel imports included), cross-border remittances, government financing, and logistics development remain as the main sources of economic growth in the region. The decline in their impact is due to adaptation to new conditions and the stabilization of trade flows. Stabilization in external sector indicates that the transformation of trade and logistics flows has reached completion, and the effects of their reorientation have largely run their course. Tight monetary policy constrained domestic demand and expanded import substitution strategies within the Russian segment. Geopolitical shifts in the South Caucasus reshaped the geography of foreign trade, reflecting a reorientation toward new markets and fluctuations in global energy prices. Meanwhile, deepening regional integration and a stronger collective identity in Central Asia generated new opportunities for its evolution as Eurasia's trade and logistics hub, alongside intensified competition among external actors seeking dominance through investment and trade policy engagement. Risk factors for the region's further development include a possible increase in sanctions pressure, continued high-tech imports restrictions, exchange rate volatility, and domestic political instability in several countries. At the same time, economic cooperation formats represented by the EAEU and the CIS and the adaptability of the region's states economies contribute to moderately positive development trends in the medium term.

References

Aksenova E. S., Andrianova M. S., Maryashina U. V., Chernetsov I. S., 2025. Analysis of Migration Flows from the CIS Countries to Russia Using the Simulation Modeling Method // Regional Problems of Economic Transformation. 2025. No. 5. Vol. 175. Pp. 304–319. (In Russ.)

Dodonov V. Yu., 2025. Activation of CIS Foreign Trade in the Context of Sanctions and Country Restrictions // Problems of National Strategy. No. 3. Vol. 90. Pp. 186–205. (In Russ.)

Shirov A.A., 2025. Russian Economy: Changing Growth Factors // Problems of Forecasting. No. 6. Vol. 213. Pp. 8–20. (In Russ.)

Foreign trade in goods of the CIS countries in January-September 2025 // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Внешняя+торговля+товарами+стран+СНГ+в+январе-сентябре+2025+года.pdf/ес4fcc5а-777а-ef3а-5774-daf3ce6e144d?t=1766411875727&download=true>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Money transfers (international and domestic) / National Bank of the Republic of Kazakhstan // <https://nationalbank.kz/ru/news/perevody-mezhdunarodnye-i-vnutristranovye/rubrics/2608>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Money transfers / Central Bank of Armenia // <https://www.cba.am/en/statistics/money-transfers/24>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Monetary indicators / Central Bank of Azerbaijan // <https://www.cbar.az/page-42/monetary-indicators?language=en>, accessed 01.03.2026. (In Eng.)

HSE CR Macromonitor // <https://dcenter.hse.ru/macromonitor>, accessed March 1, 2026. (In Russ.)

Main socio-economic indicators of the Commonwealth of Independent States countries in January-October 2025 // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Main+social-economic+indicators+of+the+countries+of+the+Commonwealth+of+Independent+States+in+January-October+2025+year.pdf/b534b1f3-de7a-9c8e-f626-066140243712?t=1766411846519&download=true>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Socio-economic situation of the Commonwealth of Independent States in January-September 2025 // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report09-2025.pdf/714b722c-da52-dfd0-2b25-754ecd9da89b?t=1764326433279&download=true>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Socioeconomic situation in the Commonwealth of Independent States countries in January-November 2025 // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report11-2025.pdf/f770ec4f-e888-9cd4-d31e-338ed5e95b3f?t=1769675739272&download=true>, accessed March 1, 2026. (In Russ.)

Money transfer statistics. 2025 / National Bank of the Kyrgyz Republic // <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=129&lang=RUS>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Statistical Bulletin of the Central Bank of the Republic of Uzbekistan – 2025, September // <https://cbu.uz/ru/statistics/bulet/en/3181410/>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)